

НОС
ОРУ
ЭЛ
ЛА

УДК 821.111-94(73)
ББК 84(7Coe)-44
С14

ORWELL'S NOSE
John Sutherland

Orwell's Nose: A Pathological Biography
by John Sutherland was first published by Reaktion Books, London, 2016
Copyright © John Sutherland 2016

Сазерленд, Джон.

С14 Нос Оруэлла. Патологическая биография писателя / Сазерленд Джон ; [перевод с английского А. Андреева]. — Москва : Издательство : Эксмо, 2022. — 272 с. — (Судьбы гениев. Биографии великих людей).

ISBN 978-5-04-092512-4

Один из самых важных писателей XX века, прекрасный мастер слова — простого, внимательного, достоверного и точного, — Джордж Оруэлл полон загадок и тайн.

В 2012 году автор этой книги Джон Сазерленд теряет обоняние. Читая романы Оруэлла в этот период, он обнаруживает, что «Скотный двор» отныне лишен аромата сигар Наполеона, а книги, как и весь мир, потеряли важный смысл. Сазерленд вдыхает запахи, благоухания и зловония, застрявшие на страницах книг Оруэлла, и исследует ароматические повествования, которые изобилуют в литературном мире британского писателя. Попутно он проясняет вопросы, оставшиеся без ответа в других биографиях Оруэлла, устраняя пробелы, которые неуловимо скрывали писателя от нас.

Это не похоже на любую другую биографию, которую вы когда-либо читали. Автору удалось написать необычный портрет писателя и предложить оригинальный взгляд на одного из самых важных авторов XX века.

Это совершенно новый, ароматный и чувственный подход к литературе!

**УДК 821.111-94(73)
ББК 84(7Coe)-44**

© **Алексей Андреев, перевод на русский язык, 2021**
© **Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022**

ISBN 978-5-04-092512-4

Н О С
О Р У
Э ъ Л
Л А

ПАТОЛОГИЧЕСКАЯ
БИОГРАФИЯ
ПИСАТЕЛЯ

ДЖОН
САЗЕРЛЕНД

БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ	Сноска к сноскам	8
	<i>Вступление</i>	9
	<i>Преамбула</i>	10
	<i>Жизнь</i>	52
	Приложение I	240
	Приложение II	247
	Приложение III	251
	Сноски	254
	Благодарности	262
	Благодарности за разрешение использовать фотоматериалы	263
	Указатель имен	264

1 Настоящее
имя Джорджа
Оруэлла — Эрик
Артур Блэр. —
Прим. ред.

*Я был проклят. У меня не было денег, я был слабым,
я был уродливым, я был непопулярным, у меня был
хронический кашель, я был малодушным. От меня
пахло.*

Оруэлл о восьмилетнем Эрике Блэре¹

*Четыре страшных слова...
Низшие классы плохо пахнут.
«Дорога на Уиган-Пирс»*

СНОСКА К СНОСКАМ

Наиболее исчерпывающим источником информации о творчестве Оруэлла считается «Полное собрание сочинений Джорджа Оруэлла» под редакцией Питера Дэвисона. Однако это двадцатитомное издание не только дорого стоит, но и встречается лишь в специализированных библиотеках. У меня есть доступ в одну из таких библиотек, а у многих читателей его нет, поэтому цитаты в книге даны по общедоступному четырехтомнику в мягкой обложке «Сборник эссе, статей и писем Джорджа Оруэлла» под редакцией Яна Ангуса и Сони Оруэлл. В этом издании работы писателя представлены в хронологическом порядке, указаны годы их создания и первой публикации.

ВСТУПЛЕНИЕ

В 1928 году Дэвид Герберт Лоуренс¹, такой же страстный защитник языка, как и Оруэлл, предпринял отчаянную попытку упразднить стигматизацию непристойных слов или «гигиенизировать» эту лексику. В ноябре 1960 года в Олд-Бейли² было принято окончательное, положительное решение по этому вопросу³. В книге читателю несколько раз встретятся слова, которые когда-то (а где-то и по сей день) считались непристойными. Проживи Оруэлл лет на пятнадцать дольше, он бы и сам наверняка их использовал.

1 Дэвид Г. Лоуренс (1885–1930) — один из ключевых английских писателей начала XX века. — *Здесь и далее, если не указано иное, прим. пер.*

2 Традиционное название центрального уголовного суда, расположенного в Лондонском Сити.

3 Именно тогда с романа Дэвида Г. Лоуренса «Любовник леди Чаттерлей», впервые опубликованного в 1928 году, было снято обвинение в непристойности, и его полная версия вышла в свет в Великобритании.

ПРЕАМБУЛА ЧИТАЯ НОСОМ

ХОРОШО, ЧТО ПРЕДМЕТЫ ОБЛАДАЮТ
ЗАПАХОМ: В ПРОТИВНОМ СЛУЧАЕ
ОНИ БЫ ПЕРЕСТАЛИ БЫТЬ РЕАЛЬНЫМИ.
АДРИАН СТОУКС¹

1 Адриан Д. Стоукс (1902–1972) — английский художник, поэт, историк и теоретик искусства.

Три года назад, во время сезонной сенной лихорадки, я перестал ощущать запахи. По словам врачей, обоняние никогда ко мне не вернется. Но, согласитесь, на жизненном пути, в конце которого мы лишимся всех пяти чувств, это далеко не самая страшная утрата.

2 В романе Д. Свифта «Путешествия Гулливера» племя отвратительных чело- векоподобных существ.

Если фрейдисты (и Джонатан Свифт) правы утверждая, что цивилизация — это расстояние от носа *Homo sapiens* («Йеху»)² до его экскрементов, то я самый что ни на есть цивилизованный человек, так как для меня окружающий мир вообще ничем не пахнет. В Британии с этим должны бы согласиться девяносто четыре процента женщин и восемьдесят семь процентов мужчин, которые ежедневно пользуются дезодорантом. Эту статистику я взял из интернета, но любому, у кого нет проблем с обонянием, она покажется завышенной. Особенно тем, кто пользуется лондонским метро в часы пик.

3 Норман К. Мейлер (1923–2007) — американский писатель, журналист, драматург, сценарист и кинорежиссер.

4 От *olfaction* — нюх, обоняние (англ., фр.).

Приблизительно в тот же период, когда у меня исчезло обоняние, я начал перечитывать Оруэлла. Можно сказать, меня вдохновили почитатели творчества Джейн Остин, которые ежегодно возвращаются к шести романам писательницы, чтобы заново окупнуться в привычный литературный мир.

5 *Papa's fish don't smell* (англ.). В русском языке есть соответствующее выражение: «Свое... не пахнет». — Прим. ред.

К моему удивлению, тексты, знакомые мне вот уже полвека, зазвучали по-новому. Чтение было отнюдь не комфортным. Представьте себе человека, который с рождения лишен обоняния. Он будет воспринимать «Скотный двор» иначе, нежели тот, кто чует запахи и хорошо знаком с сельскими ароматами — куриного помета, коровьего, конского и свиного навоза. А под занавес перед читателем предстает боров Наполеон, который шествует на своих двоих и — будь он неладен — курит душистую сигару.

6 Ричард А. Кэвett (род. 1936) — американский телеведущий, ставший популярным благодаря интервью со знаменитостями.

По словам Нормана Мейлера³, такого же ценителя ароматов жизни, как и Оруэлл (он называл их «о- лфактоидами»⁴), во всех произведениях Хемингуэя вы не найдете и трех упоминаний запаха. Как говорят в народе, отцовская рыба не пахнет⁵. О своих наблюдениях Мейлер рассказал на шоу Дика Кэветта⁶. И хотя он опирался не на глубокий литературный анализ, его утверждение звучит правдоподобно.

7 Здесь и далее текст романа «Тысяча девятьсот восемьдесят четвертый» цитируется по переводу В. П. Голышева.

8 Здесь и далее текст повести «Уиган-Пирс» цитируется по переводу В. М. Домитеевой.

9 В 2017 году Twitter увеличил количество вмещаемых символов в одном твите со 140 до 280.

10 Дейдра Ле Фей (1933–2020) — британская писательница, литературный критик, автор книг о Джейн Остин.

Сравним запахи, которые появляются в самом начале романа-антиутопии «Тысяча девятьсот восемьдесят четвертый». Их можно назвать сюжетообразующими элементами книги. Уинстон Смит укрывается от апрельского промозглого ветра за стеклянными дверями жилого дома «Победа». Тотчас же в нос ему ударяет вонь: «В вестибюле пахло вареной капустой и старыми половиками»⁷. Смит поднимается в свою квартиру на седьмом этаже (лифт, конечно же, неисправен) и в предвкушении спасительного глотка джина *Victory* («Победа») достает бутылку бесцветной жидкости: «Запах у джина был противный, маслянистый, как у китайской рисовой водки». Он выкуривает сигарету *Victory* — нет нужды описывать ее едкий дым. Через некоторое время миссис Парсонс, соседка по этажу, просит героя починить засорившуюся раковину:

Как и во всем доме, здесь витал душок вареной капусты, но его перешибал крепкий запах пота, оставленный — это можно было угадать с первой понюшки, хотя и непонятно, по какому признаку, — человеком, в данное время отсутствующим.

Нужен нюх собаки-ищейки, чтобы учуять запах человека, которого уже несколько часов нет дома. Спустя время, перед тем как попасть в зловещую «комнату сто один», Смиуту придется вдыхать смрад от испражнений Парсонса, еще теплых и потому особенно зловонных. Однако, несмотря на всю омерзительность, эта вонь не так ужасна, как та, что ожидает героя в «комнате сто один».

Проза Оруэлла содержит немало сквозных тем. Особенно интересно коллекционировать его «хроники запахов». В приложении я отдельно поговорю о романе «Дочь священника» и повести «Дорога на Уиган-Пирс», самом насыщенном ароматами произведении. В последнем Оруэлл приводит слова, которые многим показались оскорбительными: «низшие классы дурно пахнут»⁸. Беда в том, что эту фразу цитировали в отрыве от авторского контекста.

Иногда создается впечатление, что в своих «хрониках запахов» многие писатели ограничивают себя лимитом *Twitter* в сто сорок знаков⁹. Однажды я поинтересовался у Дейдры Ле Фей¹⁰, специалиста по творчеству Джейн Остин, какие запахи встречаются в шести романах писательницы.

Не скрою, ответ Дейрдры меня озадачил:

Запах, мне кажется, упомянут только в романе «Мэнсфилд-парк», при описании спертого воздуха в портсмутском доме. Мне это кажется странным, ведь, по нашим меркам, в те времена людей окуржали не самые приятные ароматы.

1 Период в истории Англии с 1811 по 1820 год, в течение которого принц-регент, в будущем король Георг IV, правил государством по причине недееспособности своего отца, Георга III.

2 Керосиновая или парафиновая лампа одноименной фирмы.

3 Полное название: «Политика против литературы — взгляд на "Путешествия Гулливера"». — Прим. ред.

4 Здесь и далее текст эссе «Политика против литературы» цитируется по переводу И. М. Левидовой.

5 Гуингнм — вымышленное благородное разумное существо, внешне напоминающее лошадь. Страну гуингнмов Свифт описывает в четвертой части романа.

Судя по всему, дама, написавшая роман «Чувство и чувствительность», была лишена одного из пяти чувств.

Какие же запахи на самом деле царили во времена Джейн Остин? Догадаться нетрудно. В доме в качестве отхожего места стоял ящик с песком и впитал соответствующий «аромат». Снаружи преобладал запах конского навоза: что в сельском Хэмпшире, что в городском Бате. Во времена Регентства¹ все в Англии перемещались верхом или в повозке. За сутки лошадь может произвести от семи до четырнадцати килограммов навоза и около девяти литров мочи, причем не сходя с места. Как известно, в природе нет таких лошадей, которых удалось бы приучить к лотку, как кошку.

По словам Оруэлла, он предпочел бы жить двумя столетиями ранее, в эпоху «тори-анархиста» Джонатана Свифта, близкого ему по духу. Мир, пропахший лошадиным навозом, вероятно, больше подходил писателю. Оруэлл ненавидел «механические» запахи XX века. Лишь запах керосина — его использовали в сельской местности для отопления и освещения — казался ему на удивление «сладостным», ассоциируясь с теплом и светом. В отличие от большинства писателей XX столетия, Оруэлл зачастую читал и работал при свете лампы «Тилли»², которая нагревала воздух и источала приятный аромат, отбрасывая на потолок замысловатые тени.

В 1946 году в свет выходит эссе «Политика против литературы»³, где Оруэлл анализирует «Путешествия Гулливера» обожаемого им Джонатана Свифта. Как пронциательно замечает писатель, герой книги, наделенный обостренным обонянием, считает идеальным существом лошадь, «животное, экскременты которого наименее противны»⁴. Оруэлл допускает, что Свифт делает «нездоровый» выбор. Но, как мы помним, едва попав в страну гуингнмов⁵, Гулливер подвергается атаке со стороны людей-обезьян, которые, забравшись на дерево, испражняются ему на голову. Так что выбор, по-моему, оправдан. Ору-

6 Джек Коммон (1903–1968) — британский романист. *Jack Common* — буквально Джек Простой, человек из народа (англ.).

7 Сирил В. Коннолли (1903–1974) — английский литературный критик. С 1940 по 1949 год редактор литературного журнала *Horizon*.

8 Индийское блюдо, разновидность карри, пользующееся популярностью в Великобритании.

9 Традиционная индийская фруктово-овощная приправа.

элл, которому доводилось заниматься фермерским хозяйством, называл лошадиный навоз ценным удобрением: сохранились дневниковые записи о том, как он пристрастно оценивал его качество. Свиной же навоз абсолютно бесполезен для этих целей. Стоит отметить, что писатель вообще негативно относился к этим всеядным млекопитающим.

Человеческие испражнения, как и фекалии других плотоядных, вызывают отвращение. Другое дело — навоз травоядных, например гусей или лошадей. Этих животных писатель особенно ценил и разводил, когда предоставлялась такая возможность. К слову, когда я гуляю с собакой в лондонском Риджентс-парке, она готова буквально поедать то, что оставляют после себя травоядные, а вот фекалии других четвероногих ее не привлекают.

Интересно, на какой отметке по оруэлловской шкале омерзительности располагались бы экскременты веганов. Вопрос чисто риторический, ведь Оруэлл смотрел на «людей в сандалиях» и «любителей фруктовых соков» свысока, считая их чужаками и шарлатанами, а потому они вряд ли привлекли бы его исследовательский интерес. В одной из бесед с другом, имевшим пролетарское происхождение и не менее «народное» имя — Джек Коммон⁶, писатель презрительно назвал их «евнухоподобными персонажами с вегетарианским запахом» [01].

Трудно понять, что заставило Оруэлла провести лучшие молодые годы в Бирме, где он в итоге подорвал здоровье. Но свою роль, без сомнения, сыграли ностальгические воспоминания о пахучем карри, ароматах ротанга, сандала и тика (дерева с самым стойким в мире запахом), которыми благоухал англо-индийский дом его родителей. Друг Оруэлла, критик Сирил Коннолли⁷, в шутку назвал его человеком, который «не может высморкаться без того, чтобы не удариться в морализаторство об условиях труда на ткацкой фабрике, где был изготовлен его платок». А уловив ароматы виндалу⁸ или чатни⁹, которые когда-то готовила его мать, Оруэлл, вероятно, впал в раздумья о субконтиненте и этических вопросах колониализма.

Бирма манила молодого человека яркими дурманящими ароматами. Рассказывая о чувственных переживаниях Джона Флори, героя романа «Дни в Бирме», Оруэлл уделяет особое внимание эротическим запахам. Они занимают весомую долю в этом точном наборе, будоража воображение. Вот Флори

1 Здесь и далее текст романа «Дни в Бирме» цитируется по переводу В. М. Домитеевой.

2 За неизменным лучшим (фр.).

3 Джордж Боулинг — главный герой повести «Глотнуть воздуха».

в объятах своей наложницы Ма Хла Мэй: «Пахнуло смесью сандалового дерева, чеснока, кокосового масла и жасмина. Запахом, от которого у Флори лопило зубы¹». «Ломота в зубах» — примечательная деталь. И это отнюдь не метафора. Через тройничный нерв в мозг поступают сигналы из области носа и от зубов. У английского пролетариата, о чем Оруэлл наверняка знал, была в чести «дрожь в коленях», или секс *faute de mieux*², стоя в переулке. Соответствующая сцена описана в повести «Дорога на Уиган-Пирс». Ломота в зубах беспокоит меньше, чем холодный ветер, который хлещет по голым ногам. Предаваться страсти в таком положении чертовски некомфортно, зато практически ничем не пахнет.

Сравним душистое бирманское соитие с воспоминаниями Уинстона Смита о вульгарном запахе проститутки из романа «Тысяча девятьсот восемьдесят четвертый»:

Он будто снова вдохнул тяжелый, спертый воздух кухни, смешанный запах грязного белья, клопов и дешевых духов — гнусный и вместе с тем соблазнительный, потому что пахло не партийной женщиной, партийная не могла надушиться. Душились только пролы. Для Уинстона запах духов был неразрывно связан с блудом.

Для Оруэлла пьянящий запах разврата — известно, что писатель пользовался услугами проституток, — представлялся столь же мощным стимулом, что и аромат сандалового дерева. Оба пленяют, словно запах гнилого яблока, которое Шиллер держал в ящике письменного стола, чтобы подстегивать угасшее вдохновение. От свежих яблок зубы не ломит [02].

Яркий пример особого писательского дара находим в другом произведении Оруэлла. В одной из сцен Джордж Боулинг³ демонстрирует поистине виртуозную способность чутко улавливать запахи окружающего мира. Герой погружается в воспоминания о воскресных днях своего детства, проведенного в Нижнем Бинфилде. В описании угадывается церковь Святой Марии в городке Хенли-он-Темз, куда водили юного Оруэлла:

Как он хлынул мне в ноздри! Этот известный всем церковный запах сырости, пыли, сладковатого тлена. Запах, отдающий свечным салом, присутствием мышей и порой дымком ладана,

а утром по воскресеньям еще глицериновым мылом и платьями из саржи. Но прежде всего сладковато-затхлая смесь, словно жизнь пополам со смертью. И впрямь ведь в воздухе витали частицы могильного праха⁴.

4 Здесь и далее текст повести «Глотнуть воздуха» цитируется по переводу В. М. Домитеевой.

5 Слова крылатого латинского выражения *Inter urinas et faeces nascimur* — «мы рождаемся среди нечистот и мочи». — Прим. ред.

В эссе «Политика против литературы» Оруэлл самозабвенно живописует «мрачное звучание заубойной службы» и «сладковатый запах мертвого тела в деревенской церкви».

Биографы с удивлением отмечают, что писатель, который, по его собственным словам, стал атеистом в четырнадцать лет, завещал похоронить себя на сельском церковном кладбище, не избрав в качестве альтернативы «гигиеничную» кремацию. Осмелимся предположить, что он хотел покинуть этот мир вместе с запахом собственного разлагающегося тела, придя в него *inter urinas et faeces*⁵.

«НИЗМЕННЫЕ» ЗАПАХИ

ДУШИЛИСЬ ТОЛЬКО ПРОЛЫ.
«ТЫСЯЧА ДЕВЯТЬСОТ ВОСЕМЬДЕСЯТ
ЧЕТВЕРТЫЙ»

Адриан Стоукс в любопытной статье «Сильные запахи и благовоспитанное общество» [03] отмечает, что в Англии для «порядочных» людей любой запах — это плохо. Особенно не в чести были любые запахи человеческого тела — потеющего, покрытого испариной, или «блестящего», если речь идет о женщине.

А то, что Стоукс (художник, избравший жизнь в крестьянской среде) снисходительно называет «благовоспитанностью», — не что иное, как культурный запрет. Англичане — нация, живущая с ощущением собственного превосходства, — никогда не уделяли должного внимания эстетическому восприятию запахов. Для французов, напротив, оценить «букет» вина или ликера — обязательный предварительный шаг в процессе наслаждения напитком. Жители Франции вообще культивируют «искусство» создания и анализа ароматов. Чтобы понять разницу между нашими нациями, достаточно посмотреть, как француз смакует бокал выдержанного вина, а англичанин бодро выпивает пинту битера [04].

Подавление запахов стало частью английского воспитания и морали со времен пуританской рево-